

Руководство по управлению драконами

Ребекка Санчес-Эчаменди

Два месяца назад Ребекка проводила своего любимого в аэропорт. Он улетел в Японию, и не было известно, когда он вернется. О том, что он не вернется, не могло быть и речи. Потому что в Мадриде остался маленький Акума, а к коту Акихико был привязан капельку меньше, чем к Ребекке - другого варианта она не рассматривала. Она была для Хасэгава Акихико единственной женщиной, к которой он должен вернуться. Ну или она должна поехать к нему, чтобы его вернуть туда, где он должен находиться.

Они почти не общались все это время, и Ребекка коротала тихие вечера, развлекаясь с Акумой. Кот был взрослым, ему нужна была или кошка или кабинет ветеринара. Потому что он гачал метить территорию. И ладно, он метил в основном обувь Акихико, и даже очередной многострадальный ботинок оказался в туалете рядом с лотком. Это сеньоритта Эчаменди могла перенести. А вот когда она обнаружила на своей кровати лужу, то этого уже не могла вынести.

Акума, чувствуя, что с ним что-то сделают, несколько дней вел себя тише мыши. Он выползал из-под кровати только чтобы поесть, и днем, когда дома никого не было. Все это время Ребекка работала, брала новые проекты, и старалась не грустить по Акихико. И вроде бы все было нормально, даже немного хорошо. Но только недавно она увидела статью в интернете. Акихико фотографировался со своей бывшей девушкой, помолвка с которой разрушила сама сеньорита Санчес. И вот, он снова в Японии, снова с этой крокодилицей. И вроде вполне доволен собой. А ведь изначально он хотел чего-то другого. Кажется, разрушить бизнес своего отца.

Ребекка сначала не поверила в это, потом у нее была ярость. А если все это на самом деле было обманом? Если он на самом деле не любил ее, Ребекку? Как жить с этим?

Нет, это глупо. И он наверняка делает это для конечного итога своей цели. Взяв в срочном порядке отпуск за свой счет и попросив родителей последить за Акумой, Ребекка села в самолет и полетела в Японию. По прилёту в аэропорт, она нашла адрес дома, где жил ее благоверный, и Ребекка вызвала такси. Долго препералась с таксистом по поводу цены, потом объясняла, как лучше проехать, и вышла вся такая недовольная из такси. И сильно уставшая.

А вот и дом Акихико. Из него вышла девушка, быстро направилась к такси и уехала. А Ребекка, не успев ее разглядеть, направилась к дому и позвонила в звонок.

Акихико Хасэгава

Последние несколько дней дела складывалось не лучшим образом. Стоило разобраться с одной проблемой, запустив в змеиное логово пока не разочаровывающих огненных птичек, на голову Акихико свалилось несколько новых,

большинство из которых было связано с упрямым зловредным стариком, по совместительству являющимся одним из самых влиятельных директоров компании. Фукуши Кохей поддерживал ещё его деда и чтит славные традиции Хасэгава. По крайней мере, славными они являлись для застрявшего в прошлом реликта, отказывающегося замечать окружающую его гнильцу и, в связи с этим, игнорирующего "позорящего семью мальчишку", коим довелось выступить самому Акихико. Вот и сегодня утром Фукуши, без чьего влияния рассчитывать на благосклонность основной массы директоров не приходилось, в очередной раз отказался даже близко подпустить к себе бывшего наследника, не попавшись на отлично продуманную провокацию, чем вызвал острое желание отправить этого упрямого старика на корм птицам. Например, фениксам, знающим толк в подобного рода "деликатесах".

По итогам первого с момента появления в Японии крупного провала, Акихико пребывал в настолько отвратительном настроении, что уже днем чуть не сорвался на шумящей на кухне Юлиане, во избежание чего предпочёл скрыться в кабинете до самого её ухода, сказав, что поест позже. Но не успела девушка уйти, а он безопасным способом выплеснуть накопившиеся раздражение, как раздался звонок в дверь, лишаящий его возможности хоть немного побыть в одиночестве и разобраться с ближайшими планами, требующими теперь некоторой корректировки. Гостей Акихико, естественно, не ждал, да и никто из его знакомых не стал бы вламываться без предупреждения, поэтому самым очевидным вариантом виделось возвращение Юлианы, что-то забывшей и постеснявшейся просто так заходить в чужой дом, как это уже случалось раньше. Что только добавило недовольства, вылившегося в момент, когда Акихико, даже не глянув на показывающий гостя небольшой экранчик, распахнул дверь.

- Юлиана, я тебе зачем код давал? Чтобы бегать, как собачка... - в нетипичной для него грубой форме начал Акихико, резко оборвав себя на половине фразы, стоило ему осознать, кто именно решил нарушить его одиночество. - Ребекка... Ты зачем здесь?

Да, перед ним стояла именно его испанская возлюбленная, до этого остававшаяся в безопасности в родной стране, но сейчас решившая нарушить все договорённости и появиться в Японии. И пусть уже в первые несколько секунд Акихико почувствовал, как дико успел по ней соскучиться, проявлять истинное отношение он не спешил, прекрасно понимая, какие угрозы несло собой появление в непосредственной близости от "логова хищников" одной из немногих его слабостей.

Ребекка Санчес-Эчаменди

Он достаточно быстро открыл дверь. И сразу начал говорить про какую-то Юлиану. Ребекка выгнула бровь, вопросительно и холодно посмотрев на него.

- Юлиана?! - Сквозь зубы процедила Ребекка. Какое отвратительное имя, откуда-то из Восточной Европы. Румынское? Нет, скорее украинское. Восточная Европа как кость в горле для просвещенного запада. Гадость. Их развелось столько, что они даже не стесняются подстилками ложиться под чужих мужчин. Эх, и что же она не затащила его под венец?

- Мерзко. Очень мерзко, дорогой. - Выплюнула Ребекка. - Ух ты. Ты ей еще код от дома дал. А что ты еще дал? А твоя девушка знает, что всякая восточноевропейская подстилка ездит к тебе? - Ребекка холодно осмотрела молодого человека, а потом хмыкнула. - Да вот я думала, что тебе нужна моя помощь. Думала, что, может быть, ты скучаешь по мне, а оно вон как вышло. И это твой план по уничтожению твоей семьи? Мерзко.

Ребекка говорила холодным, но очень спокойным тоном. Посмотрела на молодого человека. Сначала хотела смириться над ним, но пока не стала этого делать. Просто смотрела на него.

Акихико Хасэгава

Ребекка не была бы собой, не начни она активно выражать недовольство после его глупой ошибки. И в любой другой ситуации Акихико просто сразу бы объяснил свои слова, снимая возникшее на пустом месте напряжение, а затем притянул Ребекку к себе, показывая, как сильно успел соскучиться. Но не сейчас. Не когда ставки были столь высоки, что в эту игру могли запросто втянуть и дорогого ему человека. И если он хотел защитить свою женщину, ему только и оставалось, что поддержать возникшее недоразумение, провоцируя горячую испанку разозлиться и вернуться в Испанию, прекрасно осознавая последствия подобного решения, часть из которых явно касалась бы разных видов мести вроде романов с другими мужчинами. Отвратительно, мерзко, невыносимо... Но, в любом случае лучше, чем неоправданный риск, связанный с пребыванием Ребекки в Японии.

- Как ты можешь видеть, у меня все благополучно. Не стоило переживать. - Акихико нарочно проигнорировал все комментарии, касающиеся Юлианы, уже далеко не в первый раз называемой его любовницей. И как это уже бывало, Хасэгава не стал заботиться о репутации девушки, не опровергая подозрения, по факту, не имеющие под собой реальной почвы.

- Раз ты меня проведала, можешь возвращаться обратно и... - в голове Акихико мелькнула мысль, заставившая его резко прерваться. - Подожди, а где мой кот? Где ты оставила Акуму?

Пушистое обещание вернуться либо было сразу куда-то сдано Ребеккой по приезду, либо брошено в Испании. И если первый вариант был ещё терпим, то вот второй Акихико не устраивал совершенно. Он доверил родное существо своей девушке и только ей, а не каким-то её родственникам или друзьям. Но она стояла сейчас в дверях его дома, а вот кота не было видно нигде, что, на его взгляд, было ничем не лучше, чем вероятное наличие у него любовницы, скрашивающей вынужденное одиночество вдали от официальной девушки.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Да, я вижу, что ты не страдаешь, - фыркнула Ребекка. - Может бытьпустишь меня к себе, или ты там что-то скрываешь?

Не дожидаясь ответа, девушка плечом задела Акихико, буркнула "извини" и бесцеремонно вошла в его дом. Не снимая обуви, нагло прошлась по первому этажу, потом вернулась к Акихико.

- А на втором что? - Там проходят бурные оргии? - зло ухмыльнулась она. - А я-то, дура, наивно полагала, что тебе тут сложно, нужна помощь. Оказывается, нет. На свадьбу со своей крокодилицей пригласишь? Хотя нет, лишний раз лететь сюда мне не хочется. Но ты пригласи, я давно не была на свадьбе.

Она говорила не очень громко, нормальным голосом, но в нём преобладали нотки презрения. Она не ненавидела его, но вот это все было неправильным. И было обидно - почему Акихико не рассказал ей всего? Или это месть за то, что она скрыла от него, что была замужем? Это что же получается? Если она была замужем, то недостойна его такого чистого и непорочного? Это он-то непорочный?! Ну-ну.

- Ах да, я и забыла, что тебя интересует только этот комок шерсти. Он дома, о нем заботятся родители. Да, они скоро повезут его в клинику. Надо кое-что удалить ему.

Конечно, это было неправдой, но Акихико об этом знать необязательно. Ребекка не любила, когда с ней не считаются. Она прислонилась к стене и сложила руки на груди.

- И да, я никуда не уеду. Либо я уеду с тобой, либо останусь здесь с тобой.

Акихико Хасэгава

Связывая свою жизнь с темпераментом испанкой Акихико был готов не к самым приятным последствиям такого выбора. И сейчас Ребекка во всей красе демонстрировала свои не самые привлекательные черты, позволяя себе выходки, не сошедшие бы с рук кому-то другому. Ворваться в дом и ходить по чистому полу в уличной обуви в лучших традициях грязнуль-европейцев - это было совсем не то поведение, которое могло бы поубавить раздражение Акихико, позволившего себе отразить на лице все неудовольствие происходящим.

- Какая свадьба, Бекка? - Акихико не удержался от того, чтобы снова не поддеть свою возлюбленную, прекрасно осознавая, к чему может вести политика постоянных провокаций. - Зачем жениться на женщине, если от неё и так можно легко получить желаемое?

Хасэгава хотел было ещё сильнее углубиться в рассуждения о взаимоприятных отношениях мужчины и женщины, как до его сознания дошли слова Ребекки о незавидной участи кота, на какое-то мгновение заставившие его практически потерять дар связной речи, выпустив наружу нечто очень похожее на злобное рычание. Но, к счастью, рациональный ум не дал эмоциям разойтись сильнее допустимого, быстро уловив фальшь в словах девушки, без серьёзной причины все-таки не ставшей бы переходить все разумные границы.

- Бекка, я доверил кота тебе, а не твоим родителям. Какого черта ты его оставила в Испании, а теперь ещё используешь в качестве заложника? - Акихико, наконец, отошёл от двери и приблизился к Ребекке, замерев примерно в шаге от девушки, чтобы чрезмерная близость не свела на нет все его намерения отправить дорогого человека подальше от вероятной опасности. - И я уже высказался. Отправляйся обратно. Тебе нечего здесь делать. А мне надо возвращаться к делам и, как ты

выразилась, к оргиям. Хотя какие там оргии. Ничего свыше удовлетворения стандартных потребностей молодого здорового мужчины.

Акихико прекрасно помнил об упрямстве Ребекки, догадываюсь, что заставить уехать из Японии её может только серьёзная обида. Обида, компенсировать которую ему потом будет очень и очень непросто. Но даже не испытывая ни малейшего удовольствия от затеянной игры, Акихико продолжал придерживаться выбранной линии поведения, надеясь, что Ребекка окончательно психанет раньше, чем его истинные желания, преодолев активное сопротивление разума, вырвутся наружу.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Как какая? Обычная, со словами "я буду с тобой и в радости и в горе", поцелуями и ковыльцами на пальцах. А потом застолье в самом дорогом ресторане, где к вашему столу будут подходить гости, выражать вам свое почтение и желать любви и долгих лет жизни. Ну или чего-нибудь другого, - фыркнула Ребекка, посмотрев на саои длинные ногти, покрытые алым гель-лаком. И если со всем остальным Бекка смогла справиться, поменяв свой гардероб и став более человеческой, то вот красный лак она не могла не носить. Один раз сеньор Агирре ее притащил к какой-то маникюрше, сидел рядом, пока ей снимали гель-лак, а потом очередь долго выносил ей мозг своими лекциями.

Не помогло. Через два дня Ребекка себе наростила ногти, покрасила их алым цветом. Сеньор Агирре уже ничего не смог сделать. И отстал от нее.

- И что же можно получить от крокодилицы, чего нельзя получить от меня? Я уверена, что она совершенно ничего не умеет и не знает, - договорила Ребекка, глядя на него надменным взглядом. - Акума под присмотром. Мои родители его не тбидят. Если ор будет себя хорошо вести, то они даже не повезут его в клинику. Но я что-то сомневаюсь. И нет, я не уйду отсюда. Если только с тобой. - Девушка посмотрела на него и прищурилась. Он был очень близко, и она старалась сдерживаться. А то там оргии его ждут, а тут она такая, вся красивая и самая лучшая, вмешалась. Оргии-то конечно важнее, тут не поспоришь. Главное, не сорваться и притормозить.

Акихико Хасэгава

- Какая нелепица. - Акихико позволил себе нехорошую усмешку, выражающую его отношение к нарисованной Ребеккой картине. - Тебе ли не знать, что свадьба и прочая мишура нужны только для конкретных репутационных целей или выгодного сотрудничества. Все остальное можно прекрасно получить и без официального оформления отношений.

На этот раз его слова были призваны ударить в другое место. Помимо спонтанного полушуточного решения пожениться, забытого после их временного расставания, Акихико больше никогда не заговаривал о реальной свадьбе, пусть они так или иначе затрагивали вопросы совместного будущего. Но дело тут было не в поиске от потенциального брака какой-либо выгоды или обиды на возможность стать только вторым мужем, хотя последнее раздражало его до сих пор. Просто здраво все оценив, Хасэгава предпочел не торопиться, чувствуя себя более чем комфортно и

при нынешнем положении вещей, судя по всему вполне устраивающем и вторую сторону.

- Ну а эта, как ты выражаешься, крокодилица, настоящий профессионал. Ты тоже отлично справлялась, но она вытворяет что-то невообразимое, от простой классики до того, что я и не пробовал никогда в жизни. Правда один эксперимент оказался очень жёстким, я даже немного поволновался за свое здоровье, но, как ты можешь видеть, все закончилось благополучно. И, возвращаясь к нашему вопросу, зачем при таком раскладе мне куда-то уезжать?

Естественно, Акихико говорил о кулинарных навыках Юлианы, не сильно греша против истины, но, двусмысленно выворачивая слова, давал Ребекке почву напридумывать все, что девушка пожелает. Хотя, как это нередко бывало, он мог переборщить и разозлить горячую испанку сверх меры, спровоцировал её впиться кроваво-красными ногтями в наглое холёное лицо. И пусть такого поворота событий Акихико не желал совершенно, продолжал опасно балансировать "над пропастью", мысленно убеждая себя в верности всего происходящего и искренне надеясь, что несчастному Акуме не придётся отвечать за слова и действия своего доставляющего сплошные проблемы хозяина.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Ну, для вас это прочая мишура, простая формальность, которую можно просто проигнорировать. А для нас - это самое важное событие. И да, хоть я и не признаю церковь, но мне бы хотелось выйти замуж по всем ее канонам. Жаль, что придётся искать другого кандидата.

Ребекка фыркнула и специально слишком грустно вздохнула. На самом деле она не сильно думала о свадьбе в церкви, ведь там слишком много геморроя, а он ей не нужен. Самое главное - церковь не принимает разводов, а на законодательном уровне всем пофиг - можешь хоть каждый день сходить и расходиться. А церковь - это бе. Скучно. Для того, чтобы туда идти, надо обоим любить друг друга. Насильно, как говоришь, мил не будешь. Так что пока мимо.

Это он сейчас про ее замужество говорит? Бе, как омерзительно. Она была замужем только на бумаге, и со своим мужем даже не обнималась, не говоря уже о постельных сценах. Каждый этим браком получил то, что им было нужно. Все. А то ревнует он. Смешно.

- Хотя, если посмотреть здраво, то я могу согласиться, что женишься ты на своей крокодилице только для того, чтобы насолить своей семье.

А потом он стал рассказывать и про эксперименты. Ребекка решила рассуждать здраво, хотя первое, что ей пришло в голову, были мысли о постели. Каждый думает о чем-то в меру своей испорченности. Ребекка была испорченная, ей все это говорили, и пошлых мыслей в голове было больше, чем всего остального. Но сейчас она видела, что Акихико просто издевается над ней.

- Ух, а могу я свечку как-нибудь поддержать? Мне очень интересно, что же она такого делает, чего я не умею. В мире есть вторая камасутра? - Усмехнулась она. - Тогда

мне точно не стоит уезжать. Как же я могу пропустить масте-класс по камасутре?

Акихико Хасэгава

- Да уж, какое важное это для вас событие, я отлично понял на твоём примере, - наложившись на историю с бывшим мужем, вполне ожидаемые слова о поиске другого кандидата вызвали очередную волну раздражения, заставляя Акихико чувствовать себя последним идиотом. Пытаясь разозлить Ребекку он все сильнее злился сам, начиная беситься от одной только мысли, что его женщина может принадлежать кому-то другому. И если сначала страх за дорогого человека превышал все собственнические желания, благодаря затянувшемуся разговору последние начали активно шевелиться и нашептывать искушающие обещания решить все проблемы по мере их поступления, а пока просто позволить своей сущности вырваться наружу и уже, наконец, забрать свое.

- И я сейчас не в том положении, чтобы пытаться насолить семье такими мелочами. - Строго говоря, люди, носящие фамилию Хасэгава, уже давно не являлись его семьёй. Единственный человек из прошлого, имеющий право так называться, недавно ушёл из этой жизни. Ну а в настоящем... В настоящем была упрямая, взбалмошная, невыносимая Ребекка, которую временами хотелось прогнать куда подальше и любить одновременно, как примерно это было и сейчас, если не брать в расчёт его жалкие попытки совершить хотя бы один хороший поступок.

- Бекка, ну вот почему нужно быть такой упертой? - Акихико сделал шаг назад, чувствуя, что относительная близость девушки постепенно выкачивает из него всю решимость хотя бы раз примерить на себя роль положительного героя. - Почему нельзя просто послушать то, что тебе говорят? Повторюсь. Возвращайся в Испанию и заberi Акуму у родителей. Будут тебе желанные оргии, но не сейчас. Сейчас мне нужно разобраться с делами и довести начатое до конца.

Конечно, Акихико прекрасно понимал, что пытаться обращаться к здравому смыслу Ребекки не самая лучшая затея. Но, пожалуй, ничего иного он предложить уже и не мог. Даже явно ревнуя и раздражаясь, девушка не собиралась сдавать своих позиций, ну а он сам не был готов сказать что-то совсем жестокое, с высокой долей вероятности вызывая смертельную обиду и разрывая отношения без возможности когда-нибудь возродить их снова.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Христианство из мозга не так просто выкинуть. Как буддизм и синтоизм, и конфуцианство. Европа очерь помешана на всех этих обрядах, если ты не был в курсе. Если не был, то мне тебя жаль. Это ведь так ожидаемо...

Ребекка видела и даже чувствовала, что Акихико злился. Его злость была осязаемой, которую можно потрогать и пощупать. Она зло усмехнулась. А потом чуть не задохнулась от возмущения.

- То есть ты мне предлагаешь просто уйти и оставить тебя наедине с оргиями... Нет, не так. Ты мне предлагаешь смириться с тем, что ты будешь постоянно работать, а мне придется постоянно сидеть дома и не высказывать ни одного слова против?! Мой господин хочет устроить оргии? Да, конечно! А жена ведь так - просто вещь,

когда-то нужная, а иногда совсем нет?! Знаешь, так дело не пойдёт!

Ребекка дала пощечину и посмотрела на свои ногти.

- Да, Акуму при таком раскладе ты не получишь! Я не буду исполнять приказы. Потому что ты мне не господин!

Вроде все сказала, что планировала. Она была зла на него. Во-первых, она не особо понимала, зачем он фотографировался со своей бывшей невестой? Ведь он возвращался сюда, чтобы отомстить своему отцу. Обязательно было со своей бабой светиться? Или она, Ребекка Санчес-Эчаменди, пустоголовая курица?

Акихико Хасэгава

- О да, ты же просто образец христианских добродетелей. - На взгляд Акихико в мозгу Ребекки христианство если и занимало какое-нибудь место, то в одном из самых отдаленных уголков. Но раз уж девушка решила разойтись, удивляться тому, что она решила все скинуть в одну кучу не приходилось. Хотя ограничься все околорелигиозными рассуждениями, названная "куча" выглядела бы ещё терпимо, но следом практически сразу туда же свалились оргии, запреты на выход и, что особенно интересно, страдания Ребекки в качестве его жены, пусть буквально несколько минут назад она тыкала ему возможной свадьбой с Юлианой. Что комментировать Акихико не планировал, чувствую бесполезность попыток вызывать к разуму разозленной женщины, ровно до того момента, как Ребекка, сократив так старательно увеличиваемую им дистанцию, залепила ему пощёчину, словно имела дело с каким-то скудоумным испанским мальчиком из числа своих знакомых.

- Бекка, ты совсем сдурела? - Акихико практически не повысил голос, но в нем явственно ощущались нотки ярости, не обещающие любительнице портить чужие лица ничего хорошего. - Ещё и котом меня шантажируешь? Не боишься заиграться? Или ты забыла с кем имеешь дело?

Раз уж Ребекка решила накалить обстановку, Акихико отбросил попытки сохранить дистанцию, наоборот, приблизившись к девушке на опасное расстояние и, первым делом прихватив её запястья, дабы не дать разгоряченной испанке повторить фокус с пощечиной. Пусть он изначально и ожидал подобного выпада, спускать откровенные оскорбления больше одного раза не собирался, планируя пресекать все деструктивные действия Ребекки, в чём недовольстве из-за ограничивающих её свободу действий не сомневался. Но даже так, с учётом больше напоминающих угрозы замечаний, плотный хват каждой руки в отдельности, фиксирующий запястья девушки на небольшом расстоянии друг от друга, не причинял ей никакой боли, пусть все это могло запросто измениться, начини Ребекка активно вырываться, пытаясь ещё каким-либо образом наказать нахала, не позволяющего в воспитательных целях разукрасить себе вторую щеку.

Ребекка Санчес-Эчаменди

Голос у Акихико после пощёчины стал каким-то другим. Он не повысил голоса, но тон ей не понравился. Он что, действительно думает, что она всего лишь игрушка в его руках, которую можно выкинуть, когда она надоест.

- А с кем я имею дело? - С вызовом спросила девушка, нахмурившись и фыркнув. Пару приёмов самообороны она помнит, если что случится, попробует отбиться. А если не получится, то Акихико тем более не увидит своего кота. Потому что родители точно никогда не отдадут кота человеку, причинившему вред их дочери. Здесь всё просто. Не то, чтобы Ребекка не боялась смерти, но просто всё это выходило за рамки нормальности.

- И да, я не готова просто так сидеть дома, в далёкой Испании, пока ты тут занимаешься оргиями и фотографируешься со своей крокодилицей. Ты мне сказал, что поедешь сюда, чтобы насолить своей семье, не посвятил меня в свою личную жизнь. Так дело не пойдёт. Скажи, что ты меня не любишь, и я уеду, и всё. Я больше не буду напоминать о себе. Просто врать не надо, я не какая-то тупая японка, которая с раскрытым ртом слушает своего господина и боится ему что-то сказать.

Высказавшись, Ребекка только потом почувствовала, что Акихико очень крепко схватил ее за запястья. Хотела вырвать хотя бы одну руку, но не получилось. Она зло посмотрела на молодого человека. Можно, конечно, его коленом ударить. Но это потом.

- Пусти, - фыркнула она, снова пытаясь вырвать руки. - Я не твоя собственность!

Акихико Хасэгава

- А ты уже забыла? - Ребекка продолжала его провоцировать, и хоть пока раздражение Акихико не носило опасного характера, он предпочёл напомнить ей о возможных последствиях необдуманных действий. - Я - не способное себя контролировать чудовище.

Его последняя опасная стычка с Юлианой из-за дурацкого пирога с мёдом показала, что сейчас с этим вопросом все стало не так и однозначно. Привычное безумие отключилось практически на самом пике из-за резкой головной боли и других сопутствующих неприятных ощущений, но на его место пришло что-то новое, не менее опасное и, как казалось Акихико, способное постепенно утащить его на самое дно.

- Фотографируюсь с крокодилицей? - Хасэгава не сразу сообразил, в чем именно его обвиняют на этот раз, пока не вспомнил о недавнем интервью и небольшой совместной фотосессии с бывшей невестой. - А, так тебе статья попалась? - Теперь причины появления Ребекки в Японии и её странные рассуждения о свадьбе обретали свой смысл. Но даже так наступившее просветление не решало проблему, что делать с взбалмошной особой, перешедшей его стараниями от недовольств, подозрений, угроз в сторону кота и дешёвого приёма с целью заставить его признаться в своих настоящих чувствах к попыткам вырваться из крепкого хвата.

- Пустить, чтобы ты снова начала меня бить? - После пощечины щека все ещё горела, и Акихико не имел ни малейшего желания повторно подвергать лицо опасности. - Ну уж нет. - В пылу возни Хасэгава, стараясь улучшить свою позицию, прижал Ребекку к стенке, практически лишая её возможностей для маневра, но тут же пожалел о своём опрометчивом решении. Чёртов "яд", которым явно было пропитано тело девушки, от малейших прикосновений, казалось, начал сразу

проникать под его кожу. Но даже не он стал для Акихико настоящим испытанием, а знакомый будоражащий запах, сейчас ощущающийся острее и притягательнее обычного.

- Бекка - ты невыносима. Вот почему нельзя просто послушать, что тебе говорят и принять правильное решение? - голос Акихико, пусть ещё полный раздражения, постепенно начал возвращать свою привычную бархатистость, в то время как сам Хасэгава сделал для себя неожиданное открытие. Определённо, за время разлуки в его женщине или в нем самом что-то поменялось. И это что-то сейчас очень сильно путало мысли, вызывая острое желание то ли ощутимо прикусить Ребекку за шею в воспитательных целях, то ли вспомнить, что никаких оргий с момента отъезда из Испании у него не имелось и в срочном порядке наверстать упущенное.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Я никогда ничего не забываю, - Ребекка снова попыталась вырвать руки, но у нее ничего не получилось. - И да, я тебя не боюсь и не буду бояться. А сейчас отпусти меня, я не твоя собственность!

Ребекка снова дёрнулась и подумала, что очень хорошо, что она надела кофту с длинными рукавами - если будут синяки, то их никто не заметит. А синяки, судя по всему, будут. Потому что Акихико держал ее достаточно крепко, и ее вырывания тоже усугубляли положение. Одна прядь волос упала на лицо, что сильно раздражало.

А еще он ее прижал к стене и оказался слишком близко к ней, лишая ее возможности что-то сделать. Она разозлилась. Роль жертвы она не любила, и вот сейчас она казалась именно жертвой, что ее сильно раздражало.

Бесит! Всё отвратительно!

- А почему я должна делать то, что ты хочешь?! Повторяю - я не твоя собственность и никогда ею не стану. Я самодостаточный и свободный человек, и плевать я хотела на твои законы. Иди к своей крокодилнице и живи с ней!

Его бархатистый голос взрывал сознание, уничтожал, но она старалась не поддаваться на провокации. Она очень скучала по нему, да и он вряд ли занимался оргиями. Да и если занимался этими оргиями, то что эти глупые японки могут сделать лучше нее, горячей испанки? Ничего. Но просто так сдаваться она не будет. И целоваться с ним она не будет. Наверное. Может быть. Она подумает.

- Может ты меня отпустишь? - Всё ещё прошипела девушка, холодно сверкнув глазами.

Акихико Хасэгава

Конечно, его слова не возымели никакого эффекта. При всем её уме Ребекке явно не хватало способности в нужные моменты мыслить рационально. Эмоции хлестали через край, а сама девушка даже не пыталась попробовать посмотреть на ситуацию с разных сторон, предпочитая просто отстаивать свою позицию, которую он сам бы обозначил следующим образом: "все должно быть так, как я хочу". Но, что самое

удивительное, в его глазах, привыкших более чем критично оценивать окружающих, Ребекка не становилась от этого хуже. Даже наоборот, для него она казалась воплощением чего-то дикого и природного, женщиной в её естественном состоянии, чей чёртов запах постепенно начинал и у него отключать способность пользоваться достижениями эволюции человеческого интеллекта.

- Моя, - хрипловато произнёс Акихико, чуть ослабляя хват и приближая губы к уху девушки. - Не собственность, но моя.

Оставалось только признаться себе в сокрушительном и окончательном поражении. Попытки играть роль положительного героя так ни к чему и не привели. Боялся ли он за жизнь Ребекки? Конечно. Но убаюкивающий голос, зашелестевший в его голове, обещал разобраться со всеми важными вопросами, не лишая себя удовольствий, связанных с присутствием рядом любимой женщины. И его простые и весомые аргументы напрочь ломали надстройки благих намерений, недолго державшихся под натиском примитивных желаний.

- Я пытался тебя отпустить, но ты сама не ушла. А теперь уже никуда не отпущу. - Акихико разжал руки, но вместо того, чтобы отстраниться, наоборот, обхватил девушку в их кольцо и притянул к себе. Что-то действительно изменилось. В Ребекке ли или в нем самом, но испытываемые сейчас ощущения заметно отличались от всего, что было раньше. Как будто он по непонятным причинам заметно поглупел, поддавшись источаемому Ребеккой дурману, опустился до примитивного животного состояния, но, что самое удивительное, получал от своей резкой деградации незнакомое прежде удовольствие, словно позволяя выбраться наружу некогда дремавшей части себя, привыкшей прятаться за его привычной оболочкой внешне холодного интеллектуала.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Вот именно, что собственность, - фыркнула Ребекка, посмотрев на Акихико. - Я не хочу быть твоей собственностью. И я не буду твоей собственностью!

Акихико слегка ослабил свою хватку, вместе с тем приблизившись к ней. Его горячее дыхание одурманивало, желание лезло наружу, и она слабо усмехнулась. У нее тоже было желание, но не так явно. И вообще, она приехала сюда не для того, чтобы совокупляться, а чтобы узнать, что тут происходит. Зачем он фотографировался со своей курицей с мордой крокодила и почему не сообщал ничего ей, Ребекке? Или он думает, что его проблемы - это только его проблемы, а все остальное - это глупости?

Вот ее родители вместе в е делают. И даже сеньор Агирре поддерживает свою секретаршу, сеньору Хуантос, хотя она пока не вышла из комы. И вообще, любящие друг друга люди должны делать все вместе. А не это вот все - я сейчас поеду туда, а ты оставайся здесь. Не звони, не пиши, забудь о моем существовании. И потом - зачем ты приехала, уезжай обратно, так как именно я так хочу.

От него разве что не несло сексом, хотя он был близок к этому. Почему-то его поведение, какой-то странный взгляд и голос... немного изменившийся, напоминали сейчас поведение Акумы, который несколько дней назад ходил по квартире и

требовал кошку.

- Эм... Аки, не уподобайся своему коту. Тебе не идет, - покачала головой девушка.

Акихико Хасэгава

Ребекка продолжала что-то говорить про собственность, но её слова постепенно тронули в странной жиге, в которую, казалось, превратился мозг Акихико. В своём привычном состоянии он вполне мог бы пояснить отношение к этому вопросу, напомнив, что никогда не пытался ломать девушку, подстраивая её под определённые стандарты, но начини он выражать свое мнение сейчас, вероятно, лишь бы усугубил ситуацию. Потому что Ребекка была его. Её шикарное тело и вздорный характер принадлежали ему и никому другому. Сейчас Акихико ни капли в этом не сомневался и, имея желание озвучить свои мысли, а не скользить руками по изящной спине, заявил бы об этом прямо, нарываясь на очевидную вспышку недовольства со стороны девушки, в этот раз имеющей менее замутненный ум и почему-то желающей издавать бессмысленные звуки вместо того, чтобы просто насладиться близостью, которую они оба заслужили после долгой разлуки.

- Коту? - спровоцированная словами Ребекки яркая картинка, героем которой почему-то оказался не упомянутый Акума, а его старый знакомый в пятнистый шкуре, словно взорвала голову очередным приступом боли, разрушая состояние приятного оцепенения и заставляя Акихико выпустить девушку из объятий и отстраниться. В голове противно загудело, а лицо на несколько секунд исказила гримаса, но на этот раз Хасэгава смог быстро взять себя в руки и даже нашёл в себе силы заговорить, пусть лёгкий, едва заметный надлом в голосе и мог сообщить внимательному уху о его не самом лучшем самочувствии.

- Бекка, чего ты хочешь? - помня о своем недавнем проявлении слабости, Акихико снова увеличил дистанцию между собой и девушкой, сделав шаг назад. - То жаждешь оргий и отказываешься уезжать, то требуешь тебя отпустить. И, что самое отвратительное, игнорируешь тот факт, что находиться здесь тебе опасно. Или ты забыла историю с Тоширо? Если такое произошло ещё в те времена, когда ты считалась просто моей временной любовницей, представляешь, что с тобой могут сделать сейчас, чтобы мне насолить?

В горле неприятно запершило и, считая, что "игра в гляделки" не является обязательным условием разговора, Акихико бросил взгляд в сторону кухонной зоны, планируя в ближайшие минуты отправиться за водой. Странные физические недомогания, помноженные на нездоровые сны являлись проблемой не меньшей, чем угроза от его "любимых" родственников. Но пока признаваться в своём прогрессирующем безумии Хасэгава не хотел, предпочитая озвучить очевидные моменты, вынуждающие его вести себя по отношению к Ребекке не самым корректным образом.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Я ничего не забываю, - пожала плечами девушка, внутренне содрогнувшись, когда Аки напомнил про своего мерзкого братца. - И я не боюсь. Уже не боюсь. Но, с другой стороны, я боюсь, что твоя семья может причинить тебе вред. Я поэтому и приехала, чтобы защитить тебя. Жаль, что ты этого не понял.

Ребекка все равно считала, и ее в этом нельзя было разубедить, что любящие друг друга люди должны делать всё вместе и вместе преодолевать разные преграды. Вот ее родители все делали вместе. И куча ее друзей - тоже были вместе, когда на них наваливались беды. Даже сеньор Агирре остался со своей "всего лишь секретаршей", когда она после аварии впала в кому. Это ряд приближённых, то есть она и еще пара человек, ну и Ее Величество, Королева Летиция, знает, что между ними что-то есть, а для остальных подчинённых серъора Хуантос всего лишь секретарша.

И вот в западном мире все именно так - "муж и жена одна сатана", но, видимо Ребекка совершенно ничего не знает о Японии, раз там оказалось, что женщина должна сидеть дома и не влезать в пролемы своего господина. А если его там убьют - то ничего, она поплачет немного, а потом может быть еще раз выйдет замуж. Или, скорее, ее возьмут.

- Время феодалов уже давно прошло, да и я не собираюсь быть японкой. Я останусь европейкой, хочешь ты этого или нет. А европейцы всегда все делают вместе. Этим мы и отличаемся от вас. У вас не принято женщинам братья за оружие, да и вообще интересоваться, чем живет их господин. А я вот не хочу, чтобы они что-то сделали с тобой, Аки.

Договорив, Ребекка внимательно посмотрела на молодого человека, который от нее отстранился. Увидела, как он поморщился, будто от боли в голове, потом до нее дошло, что он говорил каким-то странным голосом. Не дрожащим, но вот было в нем что-то настораживающее.

Без долгого раздумия, Ребекка сняла свою обувь, взяла Акихико за руку и потащила его к дивану. Убедившись, что он никуда убежать не собирается, особенно к своим оргиям, она прошла на кухню и налила в стакан воду. Вернулась к нему и протянула стакан воды. Присела на краешек дивана и прислонила тыльную сторону ладони к его лбу. Он был не горячий.

- Ты неважно выглядишь. Может быть, расскажешь что-нибудь? - Нежным голосом спросила Ребекка.

Акихико Хасэгава

- И вот как интересно ты планируешь меня защищать? - покачал головой Акихико, понимая, что переупрямить Ребекку так же трудно, как и выхлебать средних размеров озеро. - Ты обладаешь какими-то суперсилами, о которых я не знаю?

В голове неожиданно всплыли странные истории Юлианы о её способности залезать в чужую голову, оставившие неприятный осадок, поскольку найти им рациональное объяснение Акихико так и не смог. Но Хасэгава, тут же окрестив их вредными для собственного и без того не самого крепкого психического здоровья, вернулся к насущной проблеме, созданной безрассудным желанием Ребекки лезть в самое пекло.

- Что-то не припомню, чтобы до относительно недавнего времени европейские

женщины купались в правах или махали оружием наряду с мужчинами. Но, конечно, что я могу знать о просвещенных белых людях, даже бьющих своих женщин исключительно с целью выражения уважения. - Акихико не удержался от едкого комментария, раз уж Ребекка продолжала давить на национальные различия, выставляя его из-за японских корней закоренелым домашним диктатором. Но дальше пускаться в пустые споры не стал, тем более, девушка, вероятно, заметившая его далёкое от идеального состояние, решила похозяйничать в доме, для начала переместив на диван решившего не оказывать сопротивление хозяина не самого скромного жилища, а затем отправившись за водой, словно считав его неозвученное желание.

-А ты неплохо меня изучила, - заметил Акихико принимая стакан из рук Ребекки, после чего сразу переправил возделенную воду в себя. - И я тебя тоже, - продолжил Хасэгава, когда стакан опустел окончательно, - а потому больше не буду врать, все равно ты от меня не отстанешь. Да, у меня не все благополучно, и нет, никакой физической близости с женщинами у меня с момента отъезда из Испании не было. Что же до твоей помощи, я готов принять все, что касается лично меня, но обещаю по своей воле не пересекаться с кем-то из моей родни и уж тем более не делать для меня что-то за моей спиной. Если такие условия тебя устраивают - оставайся. Если нет - возвращайся в Испанию.

Акихико догадывался, что Ребекке могут не понравиться подобные резкие и слишком деловые с учётом ситуации заявления. Он и сам предпочёл бы отложить все важные вопросы и позволить себе раствориться в ощущениях идущего от руки девушки тепла и прорезавшихся в её голосе нотках нежности. Но пусть в глубине души Акихико прекрасно понимал, что уже сдался под напором собственных желаний, просто не мог отпустить формальную часть, дающую ему право окончательно усыпить время от времени прорезывающийся тонкий голосок, как оказалось, ещё не до конца отрафировавшейся совести.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Да нет, я не обладаю никакими способностями, - пожалала плечами девушка, вздохнув и посмотрев на то, как Аки жадно пьёт воду. Забрала у него стакан и поставила на столик. На комментарий о европейских женщинах, которых бьют или которые бьют, она решила не обращать внимания. Все равно их баттл может продолжаться очень много времени. - А вот насчет того, как тебе помочь, я пока не знаю. Но, знаешь ли, я не собираюсь сидеть в своей просвещенной Испании и ждать, когда мне позвонят и скажут, что Хасэгава Акихико погиб. Хотя мне и не позвонят - я же никто.

Девушка болезненно поморщилась - а ведь действительно получится, что если с Акихико, не дай Бог, что-то случится, то ей никто ничего не скажет. Она если и узнает об этом, то только из газет. Или из телевизора. Может, это правильно, она будет в безопасности, сможет жить дальше, но она не хотела с этим считаться.

- Я знаю, что у тебя никого не было, Аки, - Ребекка села на его колени и обняла его за шею. Нежно поцеловала в губы. - Я буду с тобой и буду помогать тебе. В Испанию я не поеду, если только в контейнере. Успокойся, мы со всем разберемся сами. Я вижу, что тебе нужно отдохнуть. Пойдём, я тебе сделаю массаж...

Акихико Хасэгава

- Не нужно преувеличивать, меня никто убивать не собирается уже хотя бы потому, что моя смерть может доставить массу ненужных проблем. - Акихико не испытывал иллюзий по поводу трепетного отношения к собственной персоне со стороны родни, но сильно сомневался в готовности того же отца избавиться от него столь радикальным способом. Слишком громкое и проблемное убийство, особенно после смерти матери, могло вызвать вопросы. Много ненужных вопросов, способных пошатнуть и без того изрядно подпорченную репутации семьи, из членов которой чистеньким на данный момент оставался только приبلудный мальчишка. Пока оставался, поскольку Акихико не сомневался в желании отца превратить внебрачного сына в свое юное подобие.

Перемещение Ребекки на его колени произошло раньше, чем Хасэгава ожидал с учётом недавней ругани. Но именно в таком резко сменяющемся поведении и проявлялись основные грани темперамента его горячей испанки. То она шипела, как дикая кошка, а то ласкалась, как котенок, ловко играя на чувствах, пусть обычно Акихико предпочитал не показывать своих истинных реакций в полной мере, предпочитая скрывать слабости. Только вот сейчас не реагировать на обещающую приятное продолжение близость было сравни совершению подвига какими-то героями древности, уподобляться которым у молодого истосковавшегося по женскому вниманию мужчины не было ни сил, ни желания.

- Бекка, ты специально пытаешься меня отвлечь? - Боясь, что в ближайшие минуты снова начавший "уплывать" разум не позволит решить насущный вопрос, Акихико, не снимая девушку с коленей, немного отстранился и постарался убрать из своего голоса характерные черты очередной волны "отупения". - Я так и не услышал от тебя обещания никуда не влезать и согласовывать со мной все касающиеся меня действия.

Заманчивое предложение подняться наверх Акихико упорно игнорировал, пусть для этого ему и приходилось прикладывать немалые усилия. Да, он проиграл по всем статьям, но решающее слово все равно оставалось за ним. И видя неготовность Ребекки серьезно относиться к собственной безопасности, он ещё мог все переиграть. В теории, поскольку на практике заставить девушку покинуть его дом и отправиться обратно в Испанию без жестокого разрыва отношений практически не представлялось возможным.

Ребекка Санчес-Эчаменди

- Я не преувеличиваю, Акихико. - У тебя есть гарантия, что они не будут тебе причинять вред? У меня вот нет такой гарантии. Я не знаю, как тебе объяснить, что просто хочу быть с тобой рядом всегда. Если тебе будет хорошо, то я хочу быть тобой рядом и радоваться твоим успехам. Если тебе будет плохо или тебе будет угрожать опасность, то я тем более хочу быть с тобой. Я не буду отказываться от тебя.

Ребекка не была уверена, что не откажется от Акихико, если он, не дай Бог, конечно, серьёзно пострадает. Она вспомнила сеньора Агирре, который дни и ночи проводит рядом со своей любимой сеньорой Хуантос, которая до сих пор находится в коме. Прогнозов никаких нет, врачи не хотят давать прогнозов человеку, который не жив и

не мёртв. В любой момент может остановиться сердце, и тогда положительные прогнозы разозлят мужчину. А если она выйдет из комы и будет в относительно адекватном состоянии, а прогнозы будут неутешительные - тоже неправильно. Сеньор Агирре с большим трудом держится. Он срывается на своих подчиненных, оно и понятно. Не каждому по силу вынести что-то подобное.

Ребекка не была уверена, что сможет вынести что-то подобное. Но она не могла и просто уйти от Акихико, уехать в свою Испанию, вернуть ему кота и забыть о его существовании. Потому что этот гаглый и самодовольный японец прочно засел в горячем сердце темпераментной испанки. Один раз она его чуть не потеряла. По своей глупости. Больше она не хочет испытывать судьбу. Потому что этот, другой, раз, может быть роковым.

Пока она рассуждала, от нее нагло, будто она была вещью, а не самым лучшим человеком, отстранились, и она открыла рот, а потом и вовсе задохнулась от возмущения.

- Да ты... да я... уф... - Она прикрыла глаза и выровняла дыхание. - Если ты так хочешь, то я буду сидеть дома тихой мышкой. Но вот когда тебе будет угрожать опасность - извини, я сидеть просто так не буду. Я все сказала.

Акихико Хасэгава

В словах Ребекки был свой резон. Зная некоторые наклонности членов семьи Хасэгава, Акихико не стал бы ставить на тонкую бескровную игру. Насоли он отцу слишком сильно, и тот, забыв о родственных узах, вполне мог поспособствовать ухудшению здоровья проблемного отпрыска. Но, несмотря на наличие подобных возможностей, Акихико не слишком верил в подобный, сулящий кучу проблем исход. Хасэгава Сюдзи не был идиотом и не стал бы рисковать сверх меры, особенно после того, как уже совершил несколько опасных ходов, последствия которых в перспективе могли быть чреваты серьёзными неприятностями.

- Постоянный успех обещать не смогу, но даю слово, что плакать над моим хладным трупом или кормить с ложечки инвалида тебе не придётся. - Готовность Ребекки поддерживать его в самые сложные минуты отдавалась в груди приятным теплом, но вместе с тем Акихико прекрасно понимал - позволить себе помогать он может только до определённого предела. И не только из-за своего желания уберечь любимого человека. Бека не должна была видеть его в моменты бессилия или даже полного поражения. Да и никто не должен был. Хасэгава Акихико не имел права превращаться в слабого червя без возможности выбраться из этого состояния обратно.

- Я вижу, какая из тебя тихая мышка, - усмехнулся Акихико, снова притягивая недовольную девушку к себе. - Хорошо, пусть так. - Прекрасно понимая, что большего от Ребекки ему сейчас не добиться, хозяин дома предпочёл перестать выгонять столь притягательно пахнущую гостью со своей территории. И раз уж они смогли договориться до чего-то определённого, позволил голосу избавиться от суховатых формальных ноток, вернув ему приятную бархатистость. - Я соскучился, - негромко произнёс Акихико, прижимая девушку к себе ещё сильнее и чувствуя, как из вязкой каши, в которую снова начал превращаться его мозг, постепенно

улетучивались мысли о необходимости как-то вернуть Акуму в Японию, о многочисленных и пока не идеально реализующихся планах, о своей пострадавшей щеке и вероятных синяках на запястьях Ребекки, оставляя после себя только незамысловатое понимание, что диван не так уж и плох, особенно с учётом того, что для перемещения на кровать надо было, теряя драгоценное время, тащиться на второй этаж.

Ребекка Санчес-Эчаменди

Некоторое время Акихико молчал, а это означало, что до него наконец-то дошли ее слова. Она не будет никогда отказываться от своего человека, хотя пока не представляет, как сможет это переживать. Лучше не представлять о том, что будет когда-то потом. Может, этого "когда-то потом" и не будет рикогда. Вдруг они завтра сядут в машину и разобьются?

Ребекка поморщилась, вспомнив тот роковой день. Тогда она чуть не потеряла своего любимого человека, но все обошлось. Акихико, даже находясь под действием алкоголя, смог нажать на педаль тормоза. А так бы машина превратилась вмятку, и от него бы ничего не осталось. Неприятная перспектива была бы - она убила своего любимого. Потому что это произошло из-за нее. Если бы не та ссора, если бы она тогда все рассказала (и про замужество, и про развод), то они бы спокойно в тот день после экскурсии отправились домой. И Аки не восстанавливал зрение.

Какой же она была глупой или и сейчас есть?

Ребекка отвлеклась от мрачных мыслей, когда ее снова обняли, и она посмотрела на Аки. Слегка улыбнулась. Обняла его за шею и поцеловала в нос.

- Ты обо мне еще многого не знаешь, любимый, - прошептала девушка, услышав, как смягчился голос Акихико. А потом улыбнулась самой широкой и ласковой улыбкой, и поцеловала его в губы.

- Моё предложение сделать тебе массаж, расслабляющий, эротический или медицинский - выбирай любой, все еще в силе. Но на диване это делать неудобно. Пойдём?

Акихико Хасэгава

- Даже боюсь представить все твои страшные секреты, - усмехнулся Акихико, впервые за долгое время не воспользовавшись возможностью подколоть девушку историей с её замужеством. Напрашивающиеся вопросы о тайном гареме мужей или чем-то подобном так и не сорвались с его губ, поскольку для них нашлось занятие поинтереснее. Да и к чему была лишняя болтовня, если он опять полностью погрузился в мир полный притягательного аромата женской кожи и возбуждающего тепла прижимающегося к нему тела?

- Потом. - Это короткое слово стало последним, что Акихико смог выдать в относительно разборчивой форме. Где-то на задворках сознания он был согласен с Ребеккой о необходимости переместиться в более удобное место, но отрывать от девушки и куда-то идти сейчас было выше его сил. Да и разве имело значение, где именно любить свою женщину, если она после долгого перерыва снова была рядом

и всем своим видом демонстрировать готовность разделить с ним все радости долгожданной встречи? Для себя Акихико решил, что нет, предпочитая просто поддаться рвущимся наружу желаниям, даже если этим, как незадолго до этого сказала Ребекке, уподобится своему коту. В конце концов, Акума, как и любой кот, был намного совершеннее человека и явно знал в этой жизни толк. И если уподобиться ему означало стать счастливее, в полной мере получая то, чего ты так жаждешь, Акихико не имел ничего против.
